

NON SCHOLAE SED VITAE DISCIMUS

LINGUA LATINA

В выпуске, посвященном латыни, об особенностях этого языка, причинах и опыте его изучения, а также практиках перевода рассказывают Светлана Яцык и Владимир Файер.

Светлана Яцык,

приглашенный преподаватель школы исторических наук, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Я начинала учить латынь по меньшей мере трижды. В первый раз – в школе, в 9-м классе. Моим классным руководителем был Павел Андреевич Евдокимов, историк-античник. Благодаря его влиянию я и оказалась впоследствии на историческом факультете. В то время он вел спецкурс по латыни. Но тогда я увлекалась историей XIX века, а поступление даже не планировала, поэтому мотивации мне хватило буквально на пару занятий.

Во второй раз я взялась за латынь на первом курсе университета (на истфаке МГУ латынь – обязательный предмет для всех первокурсников). Занятия вел Арчил Савельевич Балахванцев. У меня остались довольно толковые конспекты, но о семинарах я почти ничего не помню. Помню только, что мы учили наизусть Горация и что на последнем занятии он подарил мне Лукиана.

А настоящее знакомство с языком у меня состоялось весной 2009 года перед поступлением на кафедру истории Средних веков. Чтобы поступить, нужно было прочесть и пересказать фрагмент статьи на иностранном языке, назвать и обосновать тему своего будущего исследования, а также перевести пару предложений с латыни. Ходили слухи, что переводить дают протоколы обвинительного процесса Жанны д'Арк. Я предположила, что в качестве обряда инициации будущим медиевистам предложат, конечно, непереуведенный на русский кусок, поэтому несколько недель очень прилежно штудировала протоколы и подтянула латынь. На собеседовании мне досталась фраза «Спросили, сколько ей лет. Ответила, что, как ей кажется, 19».

Затем, уже на кафедре, латынь нам преподавала Наталья Георгиевна Ткаченко. Мы читали про восстание пастушков и Ламберта Герсфельдского. Она очень любила гендиадис и медиальный залог.

Причины изучения латыни можно поделить на практические и экзистенциальные.

Во-первых, после изучения латыни значительно проще осваивать романские языки. Мне, например, языки до университета давались довольно тяжело,

а в университете я заговорила по-французски и как-то освоила итальянский – думаю, во многом благодаря латыни. Впрочем, латынь влияла и на германские языки (как во время общения германцев с римлянами, так и через книжную культуру).

Во-вторых, знание латыни позволяет догадываться о значении заимствованных слов, которые используются в академической и повседневной речи (помню вступление к учебнику Козаржевского: «Латинизмы (социализм, коммунизм, революция, партия) проникли и в русский язык»). На первый взгляд это преимущество не кажется убедительным, но оно становится очень заметным в преподавании: ученики значительно лучше понимают и запоминают термины, смысл корней которых им понятен.

В-третьих, латынь, как и математика, приводит в порядок ум. Регулярные упражнения по переводу заставляют перебирать синонимы, транспонировать грамматические конструкции, присущие латыни, на русскую грамматику и в целом шевелить мозгами. Это полезно для того, чтобы сохранять гибкость мышления.

От этого пункта удобно перейти к причинам, которые я назвала «экзистенциальными». Во-первых, я очень боюсь стагнации и деградации и мне нередко кажется, что я глупею. В эти темные минуты переводы – если удастся себя за них засадить – становятся настоящим спасением, потому что их результат вполне осязаем; искать и находить подходящий перевод латинских понятий на русский язык очень радостно.

Во-вторых, латынь позволяет ощутить себя частью корпорации, частью сообщества игроков в бисер. Это способ выстраивания идентичности, и не только академической. Латынь – это язык Запада, и без нее невозможно помыслить ни пресловутую западную рациональность, ни христианскую риторику.

Наконец, в-третьих, на нашем веку неизученные и неизданные латинские тексты не кончатся, и в этом – утешение. Они определяют то, кем мы стали, объясняют, как мы к этому пришли, и поэтому заслуживают как критического издания, так и перевода. Так что историк-медиевисту, источниковеду и филологу-классику всегда будет чем заняться.

Поскольку я работаю в основном с христианскими текстами, а именно с проповедями, учебниками для проповедников и папскими буллами, я сталкиваюсь с тем, что в православной риторике, а из-за этого – и в русском языке отсутствуют некоторые понятия, которыми оперируют мои авторы. Поэтому приходится обращаться к текстам вроде «Добротолубия», чтобы оттолкнуться от существующей переводческой традиции.

Я рискую скатиться в банальности, но при переводе с мертвого языка, кажется, сложнее вообразить себе культурный контекст, в котором существовало переводимое сочинение. Сложно распознавать аллюзии и цитаты, которые средневековые авторы щедро используют. Из моих московских ровесников, пожалуй, в полной мере этим искусством овладел только Илья Аникьев, который недавно вместе с Ириной Кувшинской перевел «Золотую легенду» Иакова Ворагинского.

Владимир Файер,

доцент школы лингвистики, заместитель декана по работе с абитуриентами, студентами и выпускниками факультета гуманитарных наук

Многие не видят смысла в изучении древних языков, считая, что это занятие утратило смысл в наше время, когда даже врачи уже обычно не пишут рецепты на латыни, а студенты-юристы знакомятся с римским правом по переводам. Попробую показать, что древние языки – это не вишенка на торте гуманитарного образования и что нужны они отнюдь не только для традиционности и престижа.

Иногда говорят, что латынь стоит учить, чтобы было легче освоить современные языки. Действительно, французский, испанский и некоторые другие европейские языки – потомки латыни, а английский, хоть и принадлежит к германской группе, большей частью своей лексики также обязан латинскому. Однако очевидно, что желающему учить современные языки не нужно ходить таким круглым путем. Некоторые разговор о пользе латыни начинают с афоризмов, но в заучивании готовых малопонятных выражений смысла, откровенно говоря, немного.

Тем не менее я считаю, что латынь очень полезна для старшеклассников или (раз в большинстве школ России ее не преподают) для младшекурсников, по крайней мере гуманитарных специальностей. Дело в том, что латинский язык формирует такое сочетание интеллектуальных умений, как ни один другой предмет, и это, по-моему, довольно важные умения. Попытаюсь показать это на примерах.

Латынь – это школа анализа текста, медленного чтения и глубокого всестороннего понимания. Действительно, когда мы читаем на родном языке, непонятные места часто проскакивают мимо нас, мы улавливаем сюжет, но упускаем одну деталь за другой, часто даже не осознавая, что мы что-то не поняли. Изучая иностранный язык, мы тоже торопимся, не стремясь понять текст или реплику собеседника до конца. Нам важно правильно пересказать содержание или адекватно отреагировать в разговоре, детали можно и опустить. И это оправданно: в современном мире нужно уметь бегло читать, а во время коммуникации – быстро отвечать.

Не такова методика преподавания латыни. Здесь нужно добиться такого уровня понимания, чтобы ни одна часть слова, ни одна запятая или надстрочный знак не остались неясными, непрокомментированными. Причем комментарии могут быть разного рода: чисто языковые, литературоведческие, исторические или относящиеся к особенностям античной культуры. Например, рассмотрим знаменитое изречение Цезаря *Veni, vidi, vici* («Пришел, увидел, победил»). На занятиях со студентами мы начинаем разговор о нем с анализа форм (такое-то время, лицо и число), затем замечаем, что глаголы «видеть» и «победить», как и в русском языке, требуют дополнений, но их нет. Почему? Потому что Цезарь хотел сказать о своей победе над царем Фарнаком вызывающе кратко и показать тем самым, что и сами боевые действия прошли быстрее и легче, чем можно себе представить. Продолжая всматриваться в текст, мы увидим, что все эти три слова похожи друг на друга по звучанию (то есть являются паронимами). Удивительное дело: перед нами фраза из трех слов с двумя фигурами красноречия, которые в античных учебни-

ках риторики назывались брахилогия («краткословие») и парономасия (использование паронимов). Судя по всему, Цезарь, который сам был автором риторического трактата, использовал эти приемы вполне сознательно, а его аудитория была способна оценить ораторское искусство великого политика.

Греки эпохи Платона и римляне времен Цицерона получали в юности прекрасное гуманитарное образование, в котором особое место занимала риторика. Конечно, мы можем чувствовать свое превосходство над древними в точных и естественных науках, но в области риторики остается, пожалуй, только испытывать комплекс неполноценности. Современная российская школа почти не учит красиво и убедительно говорить на публике, а тексты многих древних авторов основаны именно на этой блестящей риторической выучке. Конечно, медленно читая в аудитории Цицерона, едва ли получится перенять его красноречие, но обсудить его стиль и некоторые приемы вполне возможно. Итак, римские слушатели и читатели были весьма искушенной публикой, и такая же искушенность хотя бы отчасти воспитывается знакомством с античными текстами.

Важная особенность латинского языка – развитая морфология в сочетании с довольно свободным (особенно в стихах) порядком слов. Нередко понять латинскую фразу бывает непросто, даже если знаешь все слова: приходится распутывать текст, как в математическом задании «Упростите выражение». И полагаться здесь приходится не столько на интуицию, сколько на своего рода формулы: правила анализа латинского текста. Иногда перевод фразы бывает похож на задачу с параметрами: «Рассмотрим два случая: дополнением при глаголе-сказуемом может быть слово *x* или слово *y*. Допустим, это *x* (далее длинное рассуждение)... мы пришли к противоречию, значит, дополнение – это *y*, отсюда следует, что фраза переводится так-то».

Пожалуй, привести здесь и полноценно проанализировать латинский пример запутанной фразы будет невозможно, но на память приходит пример из Пушкина, замеченный М.Л. Гаспаровым. В поэме «Цыганы» старик цыган рассказывает о поэте, который

некогда был сослан царем на берега Дуная из южных краев, – читатель, конечно, сразу узнает в легендарном поэте римлянина Овидия. Рассказ старика заканчивается так: «И завещал он, умирая, / Чтобы на юг перенесли / Его тоскующие кости, / И смертью – чуждой сей земли / Не успокоенные гости!» Последние две строчки понять не так-то просто, потому что они, как отмечает Гаспаров, копируют особенности латинского, в частности овидиевского, синтаксиса. И вот нам приходится, сосредоточившись, переставлять слова: «кости – гости сей чуждой земли, не успокоенные и смертью». Такого рода перестановки при переводе с латыни приходится делать в прозе часто, а в поэзии – постоянно. Вот, например, как выглядит в дословном переводе начало «Энеиды» Вергилия: «Оружие и мужа я пою, Трои который первым от берегов в Италию беглец из-за судьбы и к Лавинийским приплыл берегам». Не так уж и запутанно, часто бывает намного сложнее.

Известна шутка, что фразу «Вася склеил модель в клубе» в советское время понимали совсем иначе, чем в наши дни. Такое различие лежит уже не за пределами лингвистики. На занятиях по латинскому языку мы нередко находим у текста два внутренне непротиворечивых понимания, и, чтобы выбрать правильное, бывает нужно вспомнить кое-что о древней истории или античной культуре. Приходится одновременно держать в голове и учитывать все – от чисел и падежей до исторических фактов и культурных реалий. По-моему, это очень полезный навык для каждого гуманитария, ведь, изучая любую эпоху, в том числе и современность, приходится объединять воедино разноплановые знания. Научиться этому особенно удобно на занятиях латынью, а применить затем можно к чему угодно.

Иногда в поисках правильного понимания латинского текста приходится признать, что конечного ответа мы и не знаем. Знаменитый пример такой неразгаданной загадки – стихотворение Катутлла о воробье («Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!.. Бедный

птенчик погиб моей подружки... Милых глаз ее был он ей дороже»). Одни ученые считают, что этот текст следует понимать буквально, как печальные стихи на смерть домашнего любимца, а другие, начиная с эпохи Возрождения, видят в стихотворении скрытый и совершенно неприличный смысл. Какое мнение верное, утверждать не берусь, но тот факт, что Катутлл любил утонченные поэтические фокусы, тонкие намеки и резкую непристойность, отрицать невозможно.

Итак, латынь полезна как своего рода «математика для гуманитариев» (по выражению академика В.А. Плунгяна), то есть школа доказательности и дисциплины гуманитарного ума. Во-вторых, занятия латынью объединяют в себе умения, важные для различных дисциплин, но направляют их к единой цели – пониманию конкретного текста. В-третьих, классические латинские тексты достаточно сложны и интересны, чтобы стать крепким орешком для самого изощренного ума. Кроме того, философ найдет в античных текстах сложнейшие интеллектуальные конструкции, филолог обнаружит искусные литературные игры, а лингвист – стройную грамматическую систему, которая стала образцом лингвистического описания на много веков вперед.

Это главное. Дополнительные бонусы от изучения латыни можно перечислять очень долго: сюда войдут и этимологии русских, английских или французских слов или те же афоризмы. Очень жаль, что латынь, которая была вычеркнута революцией 1917 года из школьного образования, для многих наших соотечественников стала какой-то невероятной экзотикой. В других европейских странах, к которым история отнеслась более милостиво, классическое образование в школах никогда не прерывалось (хотя и сократилось в часах и в числе обучающихся). Нам это отставание приходится восполнять уже в рамках кратких вузовских курсов, но даже такое знакомство с древними языками дает в руки будущим исследователям очень полезный набор интеллектуальных инструментов.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев.

Материалы подготовлены при участии В. Селивёрстова.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677.

Подписаться на рассылку можно здесь: www.okna.hse.ru. Дата выпуска: 07.03.2018.